

Кейсы автопроектов

ЛИЧНОСТНЫЙ ОПЫТ АВТОПРОЕКТИРОВАНИЯ
Я плюс один, я плюс два, я плюс три...

Автоинтервью с Романом АРБИТМАНОМ

– *Начнем с паспортных данных. Итак, Арбитман Роман Эмильевич родился...*

– ...в 1962 году в Саратове, в Саратове же закончил среднюю школу, филологический факультет университета. Живу и работаю там же. Безвыездно. За исключением трех лет, когда после филфака преподавал в сельской школе, километрах в сорока от города. Именно на пути от города до школы и от школы до города (час – туда, на автобусе, час – обратно, на попутке) и сложился поэт-метафизик Вениамин Петров. Человек с русской фамилией, еврейским именем и неистребимой страстью к иностранным словам...

– *Что, он прямо в пути родился?*

– Не «родился», я говорю, а «сложился», т.е. создал значительную часть своего будущего поэтического наследия – примерно три десятка текстов. А появился на свет поэт тоже в Саратове, году примерно в 85-м или 86-м, когда в нашем городе уже бурно цвел поэтический андерграунд. Командовал этим цветником некий местный гуру П. (фамилия неважна), особо привечавший образчики благородной невнятицы. Сам я, человек непродвинутый, был далек от упомянутого кружка, но однажды мне в руки окольным путем попала папка с сочинениями участника штудий, молодого поэта имярек. Прочитав, я понял, что уж одно стихотворение в таком духе я смогу написать не хуже автора, что коварно и сделал, а затем подложил в папку один листок. Я понадеялся, что имярек решит, будто его стихи размножаются делением, но фокус не сработал. Имярек узнал чужую руку, поспешил к гуру, меня вычислили и подступили с расспросами: где я взял этот шедевр? Пришлось сознаться в дружбе с немолодым стихотворцем, затворником живущим в райцентре, километрах в трехстах от Саратова. Почему я назвал его именно Вениамином (отчество так и не придумал) Петровым, я уже не помню. Боюсь, что брякнул первое, что пришло в голову. А детали биографии его додумывал уже в ходе творчества, постфактум, когда мне пришлось мотивировать, откуда у Петрова скандинавская грусть. Тогда-то я и сообразил, что мой герой ходил через границу, жил в Стокгольме, Осло и в Брюгге, а на обратном пути был пойман нашими пограничниками. Стихи его, спрятанные за подкладкой, были приняты за шифровки, сам он – за шпиона; бедняге пришлось отсидеть, а потом жить и творить в глуши...

– *Неужели этой сказке поверили?*

– Еще как поверили! Очевидно, врал я настолько убедительно, что Петров был тотчас же торжественно назначен членом-корреспондентом кружка, а я – пророком его, ну т.е. проводником его творчества, поскольку сам маэстро ни с кем, кроме меня, общаться не желал, подозревая во всех окружающих тайных агентов КГБ. Надобно заметить, что я, как и положено мальчику из интеллигентной семьи, в школьные годы пописывал стихи (в младших классах – про войну и пионеров-героев, в старших, естественно, – про безответную любовь), но уже во времена студенчества я от муз отошел. Не было мотивации. Теперь же она вдруг появилась, вместе с маской сурового отшельника, выдающего в неделю по одному-два загадочных текста. Обычно я пользовался методом тыка: наугад раскрывал толстый Словарь иностранных слов, выписывал первые попавшиеся, а затем мысленно их комбинировал, пытаюсь расставить в некоем причудливом порядке, чтобы хотя бы тень смысла за всем этим хаосом можно было при желании разглядеть. К сожалению, природный рационалист во мне постепенно брал верх. Высокая заумь отступала, смысл кристаллизовался все явственнее, стихи становились все более традиционными по форме, что для гения, согласитесь, убийственно. Поэтому в один прекрасный день мне пришлось со скорбной гримасой объявить, что Петров вновь рванул через границу в свой любимый Брюгге и всякая связь с ним отныне потеряна...

– *Выходит, ничего из Петрова так и не было напечатано?*

– Нет, кое-что было. Например, лет через двадцать после того, как поэт пропал без вести в лесу на советско-бельгийской границе, я по-мародерски отжал одно его стихотворение и опубликовал в рижской антологии, причем под своим именем. А гораздо раньше, в начале 90-х, я организовал в местной газете «Саратов», где служил, небольшую поэтическую подборку из наследия Петрова с трогательной заметкой Эдуарда Бабкина насчет вклада великого земляка в мировую поэзию. Кстати, именно в тексте железнодорожно-милицейских повестей Э. Бабкина и были впервые опубликованы несколько стихов Петрова. С указанием их авторства, понятно...

– *Стоп-стоп! Ну-ка давай о Бабкине поподробнее.*

– У каждой железной дороги есть своя многотиражка, и у Приволжской ЖД она тоже есть, называется «Железнодорожник Поволжья», выходит до сих пор. В 80-е годы ее возглавлял Владимир Разин (несмотря на былинно-казацкую фамилию, вполне себе еврей), большой поклонник детективного жанра. У него была одна из лучших библиотек приключенческой литературы во всей области, которая, увы, истаяла после его смерти... Так вот, «Железнодорожник»...

рожник Поволжья» был единственной многотиражкой, которая платила пусть скромные, но гонорары. А поскольку сельские учителя зарабатывали мизер, решение созрело само собой. Я предложил Владимиру Михайловичу воспитать в родном коллективе своего железнодорожного детективщика и печатать его опусы с продолжением из номера номер. Целина была непаханная. Каждый человек хотя бы раз в жизни ездил в поезде, кантовался на вокзале, сдавал вещи в камеру хранения, съedal пирожок в вокзальном ресторане и посещал вокзальный сортир. Устройство вагона, вагонные запахи и звуки, хлипкие полки, тусклые ночники, пейзажи за окном, чай с лимоном в казенном подстаканнике – все эти обстоятельства места и времени создавали узнаваемый всеми фон, и автору оставалось лишь совершить какое-нибудь преступление в замкнутом пространстве... А еще лучше – несколько преступлений, от мелкой кражи до убийства и киднеппинга. Если не считать разового вторжения в эту область Агаты Кристи (роман «Убийство в Восточном экспрессе») и братьев Михалковых (сценарий фильма «Транссибирский экспресс»), такую благодатную ниву возделывал только один Леонид Семенович Словин и, по понятным причинам, не мог объять необъятное. Ему на подмогу и должен был прийти Эдуард Тимофеевич Бабкин, бывший опер дорожной милиции, а ныне еще бодрый отставник-литератор.

– *Интересно, почему ты его так назвал?*

– Сказалось мое детское увлечение фантастикой. У братьев Стругацких в повести «Сказка о Тройке» упоминался некто Эдуард Бабкин, которого один из бюрократов по дурости путал со старикашкой-изобретателем Эдельвейсом Машкиным. Бабкин существовал в повести всего абзац-другой, а затем бесследно исчезал, что мне показалось расточительством. Поэтому я подобрал имя с фамилией и их присвоил. Что же касается отчества «Тимофеевич»... Был такой абсолютно бездарный фантаст Владимир Немцов, певец научно-технического прогресса в самом убогом его изводе... словом, очередной такой бравый советский Эдельвейс, притом довольно злобный. Персонажи Немцова, честные советские люди, были лишены малейшей индивидуальности и сделаны из сурового плотного картона; Тимофей Бабкин был одним из таких добрых молодцев. Я решил, что он вполне мог бы быть отцом моего Эдуарда, ибо искусственного персонажа по законам генетики мог произвести на свет только такой же папа. Правда, в отличие от папы-Тимофея, мой Эдик постепенно обретал плоть и кровь. Помимо милицейско-железнодорожного прошлого у него было еще вполне интеллигентное настоящее: Тимофеич любил авторскую песню (именно поэтому, кстати, у него в повестях барды пели песни на стихи Петрова), дружил с юмором, ценил лите-

ратурную классику (я подарил этому моему alter ego изрядную долю своего филологического багажа — не пропадать же добру!) и плюс к тому, благодаря трудовому опыту опера, умел вовремя дать в рыло. Сам я, увы, кулачно-бойцовских навыков был лишен и оттого наделял ими своего двойника в порядке компенсации.

— *А много насочинял этот самый Бабкин?*

— Не то чтобы очень много, но уж поболее, чем Петров — стихов. В общей сложности Эдуард написал и напечатал полдюжины повестей и примерно столько же рассказов. Некоторая часть газетного наследия Бабкина вошла в две его книжки-брошюрки, тиражами в сорок и пятьдесят тысяч. Одну мы выпустили в Саратове в надежде заработать (фокус не удался... то есть деньги кто-то заработал, а нам с Разиным показали шиш). С другой, выпущенной в Перми, было еще интереснее. Мой приятель загорелся выпустить Бабкина, причем непременно за счет наших славных правоохранительных органов. В ту пору существовал журнальчик «Вызов», орган УВД Пермского горисполкома. Приятель мой вызвался издавать литературное приложение к «Вызову», такого же объема, что и сам журнальчик. В первом выпуске были напечатаны дореволюционные бульварные рассказы про Ната Пинкертона и Ника Картера, во втором — Эдуард Бабкин, и сразу после второго номера, когда дело было сделано, приятель мой объявил милицейскому начальству, что приложение себя не оправдало и закрывается. Гонорар мне, кстати, успели заплатить...

— *Признайся: Эдуард Бабкин сочинял качественные детективы?*

— Э-э-э... Видишь ли... С точки зрения Высокой Литературы эти сочинения, боюсь, были не блестящи, да и с точки зрения детективной беллетристики они — по крайней мере половина из них — были слабоваты. Все упиралось в объем. Газета выходила три раза в неделю, на последней полосе мог поместиться лишь малый двухколонник, и в него нужно было впихнуть побольше сюжета, чтобы читатель мог продержаться на интересе еще дня два. Действие разворачивалось с калейдоскопической быстротой: трупы множились, вещи пропадали и находились, персонажи оказывались не теми, за кого себя выдавали, а белокурые друзья могли вдруг превратиться в рыжих врагов (как, впрочем, и наоборот). Главным полезным качеством Эдика Бабкина было беспредельное нахальство. Своего центрального героя-милиционера он назвал Максом Волошиным, изредка намекая, будто герой — отдаленный потомок ТОГО САМОГО коктебельского чудотворца. Литературоцентричность персонажа позволяла задействовать кое-какие классические сюжеты, преобразая их в железнодорожном духе. Но это еще полбеды. По ходу приключений капитана Волошина писатель Бабкин влезал в такие уголовно-милицейские тон-

кости, о которых и понятия не имел. Но, с другой стороны, и читатель об этих тонкостях знал не больше, так что обман сходил с рук. Помню, на Всесоюзном семинаре молодых детективных и фантастических писателей, куда я приехал уже с чемоданом газетных вырезок, один из участников — сотрудник журнала «Советская милиция» и сам бывший опер (не то что самозванец Эдик) — с высоты милицейского опыта обвинил Бабкина в профанации.

— *А что, разве он был не прав?*

— Да прав он был, конечно, прав. Вот только пример выбрал дурацкий: нельзя, мол, писать «подмышечная кобура», когда есть термин «оперативная кобура»! «Ну и что с того? — нагло возразил я. — Мы с вами писатели или где? Мы прозу сочиняем или должностные инструкции? Слово “оперативная” пусть и правильное по форме, мертвое по сути, и ничего не дает читателю, а слово “подмышечная” — живое и точное, и сразу понятно, откуда герой достает свой револьвер...» Мой оппонент попытался вякнуть, что и револьверами милиция не пользуется уже лет сорок, но поздно: этот раунд я выиграл, а других мне не требовалось. Разин ушел из газеты, детективы с продолжением прекратились, но была уже перестройка. Я обложил мента Эдика Бабкина нафталинными шариками, сложил эту куклу в дальний угол платяного шкафа и уже почти ни разу не вынимал. Жанр милицейского детектива уходил в прошлое, Бабкин становился архаикой. Уже начинались перестройка и гласность. Подумав, я вылепил из подручного материала нового голема — молодого всеведущего журналиста Аркадия Данилова.

— *Почему Данилов? Отчего Аркадий?*

— Сначала он был просто «А. Данилов», в память о прогремевшем вначале 80-х демоне-альтисте, но потом ему понадобилось имя, которое я увел у старшего из братьев Стругацких. Впрочем, в самых опасных случаях Данилов подписывался интернациональным псевдонимом «Стас Тер-Азизбеков». Мне хотелось действовать: разоблачать, выводить на чистую воду, срывать маски и поражать публику открытием тайн прошлого. Но как? В столицах был шум, гремели витии, кипела, говоря словами классика, словесная война патриотов с демократами, однако у нас в провинции все было не так интересно. В Саратов властители дум или хотя бы просто люди из телевизора заглядывали редко, поэтому все мои попытки взять скандальное интервью у какой-нибудь знаменитости разбивалось о суровую реальность. Филолог Роман Арбитман не роптал (о книжках можно было писать и в Саратове), но Аркадию Данилову было тесно. Для начала он решил проинтервьюировать Веронику Кастро...

— *Кого-кого-кого?*

— О! Это был самый известный человек в СССР, после Горбачева и Ельцина. Звезда мексиканского сериала «Богатые тоже

платют». Если кто не помнит, наше еще советское ТВ закупало по дешевке импортное «мыло». Первой ласточкой была «Рабыня Изаура», благодаря которой все дачи стали у нас называть фазендами, а «Богатые...» стали ласточкой номер 2. Популярность мексиканской теледивы была настолько велика, что возник соблазн попаразитировать за ее счет, тем более, что и сюжет сериала, и его успех в нашей стране давали богатую почву для иронии. Чтобы подчеркнуть пародийный характер «интервью» с Вероникой, я определил г-на интервьюера на работу в информагентство «Реникса» (то есть чепуха), а самим вопросам и ответам придал черты взаимного идиотизма. К примеру, журналист сурово допрашивал актрису, верно ли, что сериал снимался на деньги КПСС, а на съемочную площадку их доставлял в чемоданчике особый агент КГБ. Глупышка-актриса будто бы всплескивала руками и хлопала ресницами, уверяя, будто никаких агентов у них на горизонте сроду не возникало, и тут же мельком проговаривалась, что к их продюсеру заходил с чемоданчиком какой-то милый культурный немец — Штиглиц или Штиплиц... Все это безобразие, я уж не помню какими путями, было опубликовано в питерской городской газете «Невское время», а дальше случилось непредвиденное...

— *Неужели Вероника Кастро прочла «свое» интервью?*

— К счастью, Бог миловал. Однако вероятность, что кто-то из агентов мексиканки докопается и устроит скандал, была велика: как раз в эти дни актрису привезли в Россию, и именно в это время материал из «Невского времени» перепечатал питерский же дайджест «24», который продавался по всей стране. Издатели дайджеста (надо же быть такими придурками!) приняли все за чистую монету: они отрубили ироничную вставку и финальную «Рениксу» и присобачили к этому наглому издевательству серьезную рубрику «Секреты профессии». А поскольку тираж дайджеста составлял два миллиона экземпляров и доверие к печатному слову тогда было еще очень велико... К счастью, обошлось. На встрече с Вероникой никто не стал выпытывать у актрисы подоплеку ее отношений с ее якобы-отцом, знаменитым кубинским Команданте... Мне бы порадоваться, что международных неприятностей не воспоследовало, однако этот казус меня ничему не научил. Напротив, я ощутил вседозволенность и пошел вразнос. Летом 1993 г. одновременно в трех газетах — одной саратовской, одной петербургской и одной московской — я опубликовал статью-расследование А. Данилова, по материалам книги «Некрократия» двух американцев, Малкольма Такера и Ларри Камински. И если в Саратове и Питере все прошло тихо, то в Москве после выхода публикации в свет началась легкая заварушка...

— *С этого места, пожалуйста, поподробнее.*

— Тираж газеты «Вечерний клуб» (приложения к «Вечерней Москве») был не таким уж великим, но вполне массовым — 150 тысяч экземпляров. Текст начинался на первой полосе, как и подбавляет сенсациям, да и оформлено все было прилично — фотографиями Брежнева, Черненко и пр. Вместе с двумя мифическими американцами журналист А. Данилов раскрыл в статье тайну «некрогенераторов»: оказывается, что еще лет 50 назад было изобретено устройство, позволяющее продлевать брэнное существование явным мертвецам. А потому реальные даты смерти всех советских вождей, начиная со Сталина, будто бы отличались от тех дат, что позднее преподносились народу. Про Сталина, кстати, Данилов придумал недурно. Будто бы Иосиф Виссарионович понастоящему умер еще в 1952 году, но до марта 1953 года никто из приближенных не рисковал об этом сказать вождю, опасаясь его гнева... Там было еще много разоблачений: и про полет агента ГРУ Матвея Русанова (он же Маттиас Руст), которому поручили срочно доставить в Кремль деталь для тамошнего некрогенератора взамен сгоревшей, и про раскопки на Красной площади (где на самом деле, мол, искали обрыв в силовом кабеле, питавшем чудоустройство), и про тайну августовского путча... Я отрывался по полной, пытаюсь спародировать и довести до абсурда массу печатных глупостей, которыми была заполнена уже тогда желтая пресса. У меня получалась такая, говоря языком современных тинейджеров, пурга, что поверить в нее было невозможно... Но, видимо, я выбрал неудачное время для шуток. 1993-й был нервным годом, особенно в Москве. Атмосфера в столице была наэлектризована, и народ готов был поверить любой чуши, которую только требовалось излагать с серьезным видом. По крайней мере, одним из первых звонков в редакцию «ВК» был звонок из секретариата Председателя Верховного Совета РФ Руслана Имановича Хасбулатова: от газеты требовалось немедленно предоставить несколько экземпляров сенсационной книжки Такера и Камински. Все попытки объяснить, что редакция первоисточником не располагает, успеха не имели. Словом, меньше чем через две недели руководству газеты, напуганному им же спровоцированной бурей, пришлось давать опровержение, каяться в мистификации и журить журналиста Данилова за слишком невыдержанные шутки, благо я к этому времени успел там же еще напечатать интервью с мистером Камински, где развил тему... Все закончилась благополучно, мне даже заплатили премию, но я к этому времени уже отправил Данилова в многолетний неоплачиваемый отпуск. У меня появился новый фаворит — пожилой доктор филологических наук Р.С. Кац.

— «Р.С.» — это как же расшифровывается?

— Рустам Святославович. Каца я по-братски разделил между русским, татарским и еврейским народами, чтобы каждому досталась часть его бессмертной славы. Ибо из чресел Каца, автора «Истории советской фантастики», вышла целая литература, пусть даже и временами отчасти напоминающая советскую. Кац был вызовом унылому академическому литературоведению, в которое я после университета сам мог бы вляпаться, кабы человеку с моей биографией кто-нибудь доверил место в аспирантуре. Кацем я расплатился с родным филфаком за пять лет не слишком веселого учения. Особым иезуитством было то, что первое издание его «монографии» (в предисловии я, правда, назвал его вторым, поскольку первое, ИНИОНовское, придумал) вышло хоть и на деньги спонсора, но под грифом издательства СГУ: после возвращения из деревни я там работал корректором и сумел прикупить по дешевке ISBN. Мои бывшие коллеги, по-моему, до сих пор уверены, что выпустили научную монографию о фантастике...

— *А на самом деле?*

— На самом деле она сама была фантастикой. Точнее, это был первый (упоминаю об этом с чувством законной гордости!) в России случай «альтернативного литературоведения». То есть беллетристику в жанре «альтернативной истории» у нас уже потихоньку начинали писать, оглядываясь на Америку, а вот стилизовать наглый вымысел под ученую монографию, с соблюдением всего необходимого декорума (блеклая бумажная обложка, скучная верстка, имена рецензентов, список литературы, указатель имен), почему-то до Каца никто не догадался. Почтенный доктор изменил в истории всего два обстоятельства времени. Первое: вместо соцреализма большевики, придя к власти, стали двигать в народ научную фантастику. Второе: главной темой научной фантастики стало достижение и покорение Луны. В общем, не так много, но благодаря этим изменениям советская действительность (1917 – 1991), оставаясь неизменной по сути, значительно трансформировалась по частностям. Причем эти метаморфозы должны были вползать тихой сапой, и читатель должен был поначалу дрейфовать от реальности к вымыслу и обратно (20-е годы), лишь к 30-м годам догоняя, что здесь ЧТО-ТО НЕ ТАК. Я до сих пор не решил для себя, кем является Кац — то ли пожилым, но вполне здравомыслящим бузотером, решившим всколыхнуть болото и вызвать огонь на себя, то ли агрессивным сумасшедшим, который искренне верит в свои фантазмы и пытается заразить ими читателей. Хотя какая разница? Главное, что этот мой alter ego помог мне осуществить безумную идею, заслонив меня своим фиктивным именем, фиктивным званием и почтенным возрастом (доктору, по легенде, было на сорок лет больше, чем мне). Однако, признаться, я не очень

глубоко разработал биографию Рустама Святославовича и даже, в зависимости от конъюнктуры, варьировал его место жительства и работы: москвичам докладывал, что доктор — саратовец, землякам — что москвич, а когда пришла пора переиздавать «Историю советской фантастики» в издательстве Санкт-Петербургского университета (2004), я легко отыскал у доктора и питерские корни — в соответствии с духом времени... Но, повторяю, биографию Каца я детально не конструировал, полагаясь на авось. В отличие от Льва Аркадьевича Гурского, чьей биографией я с самого начала занялся основательнее. Это была уже почти полноценная личность — с готовым портретом и подробной, как говорят шпионы, «легендой»...

— *Гурский возник в том же году, что и Кац?*

— Нет, только через год после Каца. Впервые Лев Аркадьевич засветился в журнале «Урал», где я, двинувшись по пути Борхеса и Лема, напечатал несколько развернутых рецензий на вымышленные книги. Одной такой был роман писателя-эмигранта Л.А. Гурского «Янки при дворе вождя», эдакий ремейк знаменитого романа Марка Твена. Только у меня Хэнк Морган жил в конце XX века, имел профессию историка и, переместившись на два десятилетия в прошлое, попал ко двору не короля Артура, но Брежнева. И стал его первейшим советником, и подтолкнул Леонида Ильича к судьбоносным реформам, гласности и перестройке, но затем был возвращен злым колдуном Андроповым обратно в будущее... Рецензия та не прошла совсем уж бесследно (в дальнейшем кое-кто из читателей пытался найти эту книгу Гурского), но особой роли не сыграла, однако годом позже, когда пришла пора искать себе нового alter ego, уже ничего придумать было не надо: и ФИО, и судьба были почти готовы. Правда, первоначально автор «Янки при дворе вождя» был у меня переводчиком с итальянского, а в новейшем изводе Гурский закончил юрфак ленинградского университета и работал в прокуратуре — до того момента, когда переключился на литературу, разочаровался в советской Фемиде, запил, был уволен из органов правопорядка и «по еврейской линии» (т.е. через Австрию и Италию) эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где впоследствии и написал первый десяток своих криминально-политических романов...

— **И зачем, интересно, ты сделал его эмигрантом? Жил бы себе в Питере. Или на родине своего папы, в Саратове.**

— Э-э, не скажи. Эмиграция в биографии Гурского была не прихотью, но суровой необходимостью. Вспомни: первая половина 90-х, отечественные беллетристы еще не отряхнули со своих ног прах советской цивилизации и не знают, что им делать. Книжные лотки заполнены, по преимуществу, беллетристикой переводной — той, что нам не додали при большевиках. Особый интерес вызы-

вают произведения наших бывших соотечественников, живущих за рубежом. С одной стороны, они почти такие же, как мы. С другой — уже знают вкус незнакомой жизни при капитализме и могут нас кое-чему научить. Беда в том, что среди эмигрантов было много Больших Писателей, но почти не оказалось шустрых беллетристов. Вот отчего произведения Эдуарда Тополя и Фридриха Незнанского шли нарасхват. Я решил, что Гурский должен быть из той же карточной колоды. Писать он должен был о российских делах (происхождение обязывало), но ничего не боялся (что ему, американцу, сделают?) и мог ошибаться в деталях (из-за океана некоторые частности не видны, и это извинительно). То, чего не простили бы беллетристу из Саратова, легко простили автору из Вашингтона...

— *А почему не из Нью-Йорка?*

— В Большом Яблоке живет большая русско-еврейская диаспора, все всех знают, и скрыть там Гурского нереально. А вот в Вашингтоне соотечественников мало, можно затаиться где-нибудь в Джорджтауне... Словом, с местожительством все было ясно. Примерно я представлял себе, как выглядит Гурский: старше меня на двадцать лет, лысый и бородатый (у меня самого тогда бороды не было). В ту пору, когда первые книги Льва Аркадьевича вышли в Саратове, никто в издательстве еще не владел фотошопом, поэтому на задней стороне обложки был не фотоколлаж, а рисованный портрет. Физиономия у Гурского получилась довольно неприятная, что впоследствии дало основание обиженному Эдичке Лимонову сердито обозвать писателя «корявым еврейским пеньком».

— *За что он его так?*

— Должно быть, рассердился из-за персонажа трех гурских романов Фердинанда Изюмова. Зря, кстати, обиделся. Если в первой книге герой был просто забавным клоуном, то во второй и третьей книге «президентского цикла» у этого персонажа все прибавлялось и прибавлялось обаяния. От какого бы то ни было сходства с реальным Эдуардом Вениаминовичем персонаж совсем уходил, зато с каждым романом выглядел симпатичнее. Это не только мое субъективное мнение, но и суждение многих читателей, которые давно уже подбивают Гурского посвятить Фердику И. целый роман. Но это слишком колоритный персонаж, его не должно быть чересчур много. И потом, основные мои герои — все-таки президенты...

— **Объясни, для чего ты с самого начала занесся в такие гибельные выси? Неужто обязательно писать детективы с участием главы государства и всяких там высших чиновников?**

— Может, кому и не обязательно, но Гурскому — обязательно. Замахиваться — так сразу на большое. Украденные кошельки или даже похищенные диадемы меня никогда не интересовали. Гурс-

кий был заточен под глобальные проекты: его персонажам в каждом романе приходилось спасать от злодеев как минимум всю Москву, а максимум — всю Россию и даже весь мир. Гурский выпустил десять романов (а всего, вместе с переизданиями, у него вышло штук сорок книг). В четырех романах слово «президент» является частью названия, и даже там, где этого слова нет, все равно описываются события глобального масштаба... То есть все начинается с мелочей и частных, но затем, как водится, интрига поднимается все выше и выше по иерархической лестнице. Вплоть до. Жанр политического триллера (на отечественном материале), которого не было и быть не могло в советской стране, дает автору бездну возможностей поиграть с проблемой «роли личности в истории», всякий раз доказывая своими сюжетами, что обычный человек в необычных обстоятельствах способен — если повезет — сделать колоссально много и даже по-настоящему изменить историю. К лучшему, разумеется. Эту мысль автор старался развивать во всех своих романах, но, что называется, не в лоб, а подспудно, исподволь, по ходу развития криминального или детективного сюжета... Главной задачей литератора Гурского было создание текстов, которые было бы читать ИНТЕРЕСНО. Эту программу-минимум автор старался выполнять лет пятнадцать — до тех самых пор, пока Гурский не почувствовал потребности сделать чуть больше. Дело не в том, что рано или поздно каждый пишущий чувствует реформаторский зуд и желает дать совет, как лучше обустроить Россию. Честно говоря, публицистические трактаты мне кажутся глуповатой архаикой. Поза Учителя, Знающего, Как Надо, вызывает у меня инстинктивное раздражение. Если уж делиться с миром не только своими сюжетами, но и своими мыслями, то здесь должен работать принципиально иной жанр. Поэтому, приступая к жизнеописанию второго президента России Романа Ильича Арбитмана, Гурский воспользовался методом доктора Каца — единственным возможным в этих обстоятельствах...

— *То есть?*

— То есть методом альтернативной историографии. Кацу пришлось в голову выдумать советскую литературу, существовавшую как бы в параллельной реальности, а Гурский обратил свой взор в совсем уж недавнее прошлое, которое опасно граничило с настоящим. Автор решил сочинить другого президента России, который был избран после Ельцина и сделал так, чтобы жизнь стала иной, несравненно более симпатичной, чем она есть в реальности. «В “Арбитмане” Гурский создал этакий альтернативный вариант новейшей истории, Россию с человеческим и интеллигентным лицом, — написал позднее один из рецензентов. — Перед нами не книга об Арбитмане, каким хотел бы себя видеть Арбитман, а книга о России, которой мы все хотели бы ее видеть, но которой, увы,

не случилось...» Если бы здесь был избран чисто беллетристический подход, идея, я думаю, провалилась бы, но беллетристика маскировалась под иные формы повествования. Автор выбрал стилизацию под «ЖЗЛ», под суховатое жизнеописание, переполненное цитатами из мемуаров и документов и лишь время от времени расцвеченное более-менее живенькими эпизодами. При этом автор не скупился на гротескные моменты и на вполне безумные трактовки уже случившихся событий, дабы не пересерьезнить текст и, упаси Боже, не выглядеть современным гуру. Книга должна была балансировать на грани между чистой интеллектуальной игрой без берегов и тщательно просчитанным историческим перевертышем, где всякий эпизод — на своем месте, а в совокупности эти импрессионистские мазки должны были сложиться в некую стройную картину страны и мира...

— *Слушай, а зачем тебе это надо? Денег это тебе не принесло никаких, особой славы — тоже... Тираж 800 экземпляров — слезы... Ты веришь, что «одно слово правды весь мир перетянет»? Так у тебя же вдобавок еще и неправда...*

— Все довольно просто. Очевидное скукоживание политических свобод еще не означает сужения свободы воображения. В реальной жизни мы не можем изменить уже практически ничего. Нет настоящих выборов, нет полноценной свободы слова, нет никаких реальных механизмов, которые позволили бы обычному частному человеку влиять — ну или хотя бы надеяться влиять — на принятие решений в высоких кабинетах. Но, к счастью, до фиксации оруэлловских «мыслепреступлений» мы покамест не дошли. За невосторженный образ мыслей не судят. Что мне как индивидууму, наделенному воображением, остается? Только мысленно пересоздавать реальную действительность, вытеснять ее придуманной мною самим действительностью фантастической. В былые годы это бы выглядело эскапизмом чистой воды, но сейчас все не так однозначно. Пусть в нанодозах, но мир вымысла все же влияет на мир реальный. Несмотря на царство издательских литтехнологий, литература все-таки остается сферой непредсказуемой. Нам не дано стопроцентно предугадать, как слово наше отзовется. А вдруг? В окружающей нас жизни уже так много виртуального, что любые подвижки в сфере вымышленного могут каким-то образом сработать. Мышь способна сдвинуть гору, моська — повлиять на слона. Если твой симулякр окажется ярче, точнее, уместнее, то, вполне возможно, произойдет чудо вытеснения. В мире физическом тебе не победить Левиафана, в мире виртуальном шансы есть. Получилось у Гурского? Не автору судить о том, удались ли его замыслы или нет. Но, как говорил Макмерфи из известного фильма Милоша Формана, я хотя бы попробовал.